

18+

Заирбек Саша

МОЯ ЛЮДА родом из детства и СССР

Рассказы, статьи, эссе с комментариями составителя
книги Замирбека Осорова

Заирбек Саша

**МОЯ ЛЮДА родом из детства
и СССР. Рассказы, статьи, эссе
с комментариями составителя
книги Замирбека Осорова**

«Издательские решения»

Заирбек Саша

МОЯ ЛЮДА родом из детства и СССР. Рассказы, статьи, эссе с комментариями составителя книги Замирбека Осорова / Заирбек Саша — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504589-8

Автор книги живет и работает в городе Ош. Его рассказы передают атмосферу этого региона, которая царила в конце прошлого века и начале нынешнего. Среди его издателей были публицист Ж. Камчиев, известный писатель А. Урбаев. Некоторые рассказы — «Следак» — поражают глубиной проникновения в суть работы репрессивной машины судопроизводства, в которой мало что изменилась со времен сталинских чисток. Представляют интерес и любовные истории, в которых отражается уникальная личность нашего современника.

ISBN 978-5-00-504589-8

© Заирбек Саша
© Издательские решения

Содержание

Следак	6
ЛЮДА	15
Как я был мелким коммерсантом	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

МОЯ ЛЮДА родом из детства и СССР Рассказы, статьи, эссе с комментариями составителя книги Замирбека Осорова

Заирбек Саша

Редактор Замирбек Арзымбекович Осоров

© Заирбек Саша, 2019

ISBN 978-5-0050-4589-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Следак

Абсамата завели в комнату свиданий. Это стало ясно ему потом, когда в нее вошли мать, трехлетняя дочь и младший брат. Сначала же он не понял, зачем его заперли в клетку посередине комнаты со скамьей с трехместным сиденьем.

«Дубак», как зовут в тюрьме солдата или сержанта охраны, сопровождавший Абсамата, заперев его, сел сбоку за стол у стены. Над столом, пропуская тускло дневной свет, возвышалось единственное в комнате окно.

В углу располагались двери: первая между столом и углом, вторая – сразу от угла напротив стола. Первая вела во двор тюрьмы, вторая ограждала комнату от внешнего мира, от свободы.

Клетка упиралась одной стороной в стену и делила комнату на три сообщающиеся между собой части: одна оставалась сзади – там было темно и пусто, другая, где сидел за столом дубак и располагались двери и окно, примыкала сбоку; третья, в которой к боковой стене была прислонена такая же скамья, как в клетке, находилась спереди, отделяясь от клетки полуметровым проемом, огражденной сеткой, и предназначалась для посетителей. В нее и вошли, пришедшие к Абсамату, мать, дочь и брат. Их пустили по приказу дежурного лейтенанта, вошедшего в комнату, чтобы присутствовать на свидании.

Мать сразу запричитала, что Абсамат сам накликал себе эту беду, которая зовется тюрьмой, что он вместо того, чтобы желать себе легкой жизни, всегда желает трудной. Одним словом, «отко туртсо бокко качат» (Дословно: «Гонят к корму, а он бежит к дерьму» -кырг.)

Абсамат слушал ее, но не видел ни ее, ни брата: его внимание было приковано к дочери.

С жалостью он видел, что перед ним не та веселая шалунья, что встречала его в доме родителей со всепобеждающим возгласом:

– Акам келди! (Брат пришел! —кырг.) – а дитя с грустными бусинками черных глаз во все лицо, неожиданно повзрослевшее за эти две недели его заключения под стражу по санкции прокурора.

Она все спрашивала Абсамата, беспомощно глядя маленькими ручонками сетку клетки, когда он придет, когда выйдет отсюда, словно он сам посадил себя в эту клетку и только стоит ему захотеть и он выйдет отсюда.

С возрастом люди становятся эгоистичнее, так или иначе учатся легче переносить несчастья.

Дети же перед бедой остаются беззащитными: она завладевает ими полностью.

Это неожиданное открытие поставило Абсамата в трудное положение. Тут же составленный сценарий поведения чуть было не сорвался – выручил характер: слезы, возникнув где-то внутри, там и исчезли.

Справившись с этой непредвиденной трудностью, Абсамат вскользь заметил беспомощное и растерянное состояние брата: блестя глазами, он стоял за матерью.

В семье младшие или по-киргизски «кенжелер» выделяются близостью к родителям, к родительскому дому. Они больше скучают по нему, в них больше привязанности к родителям, к другим родственникам. Недаром у киргизов, как и у многих народов, хозяином родительского дома становится по обычаю кенже.

– Ты посмотри за матерью, успокой ее, – обратился к нему Абсамат, но поручение скорее предназначалось брату нежели в его исполнении нуждалась мать: как известно, лучшим способом придания бодрости кому-то является поручение ему заботы о другом.

Мать тем временем перестала причитать: Абсамат как мог успокаивал ее, мол, нечего беспокоиться, тут все хорошо – пища нормальная, постель теплая и т. д. А она в свою очередь, боясь не успеть сказать главного, вытирая слезы, решительно и мягко прервала его:

– Ты о нас не беспокойся. С нами ничего не случится. Ты заботься о себе. Правда гнется, но не ломается. Даст Бог, все станет на свои места. Тебя освободят!

Мать принесла с собой в маленькой кастрюле плов и немного белья: рубашку, носки, несколько носовых платков и трусы. Белье пропустили, а плов, как готовую еду, не пропускали.

При этом дежурный лейтенант обстоятельно разъяснял, что можно и что нельзя приносить для передачи, и что передачу можно приносить только раз в месяц и только до пяти килограммов.

Все было правильно в его словах, но не для матери. Мать не представляла, как уйдет отсюда с кастрюлей плова, как будет жить, если сыну не дадут отведать его. Нет, этому не бывать! Сын должен отведать плова, чтобы хоть раз не стоял комок в горле от мысли, что она ест, а он сидит голодный в холодной камере. И она с отчаянной решимостью двинулась к столу, открыла крышку злополучной кастрюли с пловом, повернулась к лейтенанту:

– Сынок, ну как я понесу этот плов домой?... —и беспомощно застыла с жалким выражением просьбы на лице.

– Мама, раз нельзя, то не надо, – пытался унять ее сын.

Мать ждала, слезы текли по щекам.

Тут лейтенанту то ли вспомнилась своя мать, то ли жалость к отчаявшейся матери одолела его, то ли еще что-то подействовало на него, но, так или иначе, он вдруг разрешил пронести плов в целлофане.

Пока мать уговаривала лейтенанта, дочка проскользнула сквозь стоящих взрослых и стала возле двери клетки. Абсамат потрогал ее за ручки, погладил по лицу.

Когда мать переложила плов в целлофан, дубак отвел дочь к матери, похваливая ее:

– Какая хорошая девочка!

Вскоре дверь за ушедшими матерью, дочкой и братом закрылась. Дубак открыл клетку.

Абсамат, поблагодарив лейтенанта, со свертком белья и пловом в целлофане направился в камеру. Свидание кончилось.

Распорядок, висевший на стене во дворе тюрьмы, аккуратно вещал, что следующее через месяц.

Он тогда еще не знал, что это было первое и последнее свидание за время нахождения в следственном изоляторе, попросту говоря, в тюрьме, и что стало оно возможным только благодаря «милости» следователя.

Впоследствии же, так как он не стал сговорчивее, как надеялся на это следователь (матери, давая разрешение, он советовал образумить сына, мол, меньше дадут, если будет правильно вести себя. О чем она, конечно, поведала сыну:

– Сынок, тебе, быть может, вправду лучше в чем-то согласиться со следователем? Он говорит, что будет легче), он каждый месяц лишался свидания.

Таких месяцев набралось шесть. Шесть месяцев в тюрьме без свиданий с родными лишь за то, что ты подозреваешься в преступлении, лишь потому, что ты для них (следователей, прокуроров и судей) только преступник, которого надо во что бы то ни стало победить и дать срок...

Тому, кто находится в тюрьме, конечно, тяжело, но и легче- срабатывает идиотская закономерность, которая заключается в том, что человек, заключенный в камеру, в это замкнутое пространство, постепенно перестает даже мысленно выходить за ее пределы.

Он замыкается в ней. Он почти забывает о том, что где-то есть у него родственники, вспоминая о них только раз в месяц с получением передачи. Обычно же он занят только тем, что происходит в камере. А может в этом нет никакой закономерности- просто людьми владеет инстинкт самосохранения?..

А каково матерям, женам и сестрам каждый месяц ждать единственного дня, а потом получить отказ на свидание и даже на передачу, потому что следователь не разрешает, и затем часами стоять у его кабинета, выпрашивая разрешение, и наконец, не получив его, идти домой, неся отяжелевший в тонну кулек в пять килограммов, плача и проклиная того, кто пока только в кино человек?..

Старики говорят: «Не поступай так, чтобы кто-то тебя проклинал!» Мол, раньше проклятье исполнялось через сорок лет, а теперь исполняется через сорок дней.

Несговорчивость же Абсамата объяснялась тем, что с самого начала следствия следователь и прокурор, осуществлявший надзор, повернули все дело так, чтобы свалить вину за хозяйственное преступление с главных организаторов на второстепенных лиц – простых исполнителей распоряжений.

Хозяйственное преступление заключалось в следующем: выполняя план любой ценой, как это делалось повсеместно в годы застоя и продолжалось делаться здесь, в далекой Киргизии, в 1985 году, руководство совхоза при помощи торговых организаций, закупив у них масло и сдав его на гормолзавод в счет молока, причинило ущерб совхозу в пятьдесят три тысячи рублей.

Конкретно же это происходило так: директриса – единовластная с пятнадцатилетним стажем на этой должности и большими связями хозяйка совхоза – приобретала у торгашей в лице председателя райпотребсоюза и директора пищеторга топленое масло за наличные деньги подотчетных лиц, которые были выданы им в совхозной кассе на покупку излишков молока у населения. Гормолзавод после приемки масла в квитанциях указывал соответствующее этому количество молока. Подотчетные же лица по приказу директрисы оформляли это молоко, как купленное у населения. Им по указанию директрисы помогали составлять договоры (фиктивные) с населением о покупке молока учетчики, бухгалтеры, экономисты, бригадиры, управляющие и главные специалисты. Населению же объясняли, что, мол, от их подписи в ведомостях и договорах им вреда не будет, так как это нужно только для выполнения плана. Словом, весь совхоз был втянут в хозяйственное преступление, которое называлось выполнением плана. Разница же между суммой, выданной совхозом на покупку молока и суммой, выплаченной

гормолзаводом за принятое масло и составила сумму ущерба. Другого выхода при запущенном животноводстве и его кормовой базы для безусловного выполнения плана просто не было.

Попутно же хозяйка совхоза не обделила и себя за труды по покупке масла и не оставила торгашей в накладе за их услуги. Так смело действовать ей позволяло и то обстоятельство, что во Фрунзе сидел у власти человек, который был ей давно знаком и обещал при условии выполнения всех плановых показателей (в совхозе же только план по молоку из года в год не выполнялся) ходатайствовать о присвоении ей звания Героя Социалистического Труда.

Выполнение плана само собою превратилось в очередную компанию, поддержанную непосредственно городским комитетом партии. Совхоз был пригородный: невыполнение плана было бы пятном на показателях не только совхоза, но и города.

И никого не удивляло то обстоятельство, что за два-три дня в сводках выполнения плана по совхозу сразу возрастало на 10—15 процентов, словно ни с того ни с сего каждая корова становилась рекордсменкой, либо, и тоже вдруг, ни с того ни с сего все население переставало потреблять молоко и только сдавало совхозу как излишки. Не удивляло, потому что за долгие годы видели и не такое.

Привычка защищать сильных мира сего либо сидела в следователе и прокуроре с самого рождения, либо приобреталась годами по указаниям сверху, как обычно бывает в жизни. Но во всяком случае, восточная мудрость издавна отмечала бесправие в наказаниях:

«Халвани хаким ейт- калтакти етим ейт!» (Халву кушает хаким-палку же сирота! – иск. узб.)

В своей несговорчивости Абсамат руководствовался одним: каждый должен отвечать за то, что он совершил... Пусть мы, рядовые исполнители, совершили преступление, но наша вина заключается в том, что мы делали то, что нам приказывали. И пусть каждый отвечает за то, что он совершил, а не за то, что ставит или пытается ставить следствие, которому не под силу привлечь к ответственности главных организаторов хозяйственного преступления.

Для последнего же требовалось выйти на тех, кто продавал и покупал масло посредством выявления торговых точек, где оно приобреталось. Это же следствию представлялось невозможным. Кто из рядовых исполнителей, которыми пыталось ограничиться следствие, мог достать через магазины 22 тонны масла, если в городе для свободной продажи населению сливочного масла вообще не было в 1985 году? Вся их вина заключалась в том, что они по требованию директрисы, взятые из кассы деньги на покупку молока, отдавали ей или управляющим, которые на них закупали масло.

Но нужно отдать должное следствию: из 22 тонн все же было выявлено около 7 тонн, которые можно было отнести за счет рядовых исполнителей (это было то масло, которое было приобретено управляющими по приказу директрисы или по собственной инициативе, чтобы заслужить ее благосклонность); остальные же 15 тонн оставались невыясненными – их нельзя было отнести за счет рядовых исполнителей. Из-за этих 15 тонн дело застряло между прокуратурой и судом: суд требовал выяснения, прокуратура же требовала принятия дела по причине невозможности выяснения: никто не хотел брать ответственность на себя в этом затянувшемся запутанном деле...

И в это неопределенное время невольно возникал вопрос, где же теперь те руководители, которые должны были отвечать за свои решения, указания и быть с теми, кого толкали на преступления во имя государственных, как говорили они, и партийных интересов?

Парторг, вечно ратававший за выполнение плана, за покупку молока, сменил место работы и отделался выговором: благо есть родственник в обкоме. Директриса же, вооружившись возрастом, наградами, амнистией, отрицает свою вину с такой же настойчивостью, с какой раньше толкала людей на выполнение плана. Работники же горкома вообще остаются в стороне. Их как будто и вовсе не касается то, что с их ведома творилось в пригородном совхозе. Правда, первый секретарь горкома, наезжавший каждую неделю с требованием выполне-

ния плана сам свел счеты со своей жизнью: были у него какие-то дела еще со времен застоя, за которые вот-вот должна была наступить расплата.

А новый только за то, чтобы всех наказывать, исключать из партии, снимать с работы и т. д.

Правильно говорили с трибун члены бюро ЦК КП Киргизии, что определенная вина за отступления от норм партийной жизни в ЦК КП Киргизии (которые в совхозах и колхозах отождествлялись голым администрированием, выполнением планов любой ценой) лежит на них, но что должны были говорить в свою защиту рядовые труженики, которые исполняли то, что приказывали им от имени партии в то время? Они не отделаются осознанием определенной вины – им дадут конкретную вину на суде.

Словом, складывалась закономерная обстановка, когда административно-бюрократический аппарат, имеющий права и никаких обязанностей, все определял, решал и не нес никакой ответственности за последствия своих решений, перекладывая эти последствия на низовые звенья, и, в конечном счете, на народ. И в этой обстановке защищать-то их, рядовых тружеников- исполнителей, которые стали жертвами административных методов управления, по сути дела было некому...

В день заключения под стражу Абсамат сидел в коридоре облпрокуратуры, ожидая очереди к следователю. Дверь в следовательскую была слегка приоткрыта. Там сидел, отвечая на вопросы следователя, Абылов- соучастник преступления, в котором обвинялся и Абсамат, по-тюремному – поделщик. Следователь после каждого ответа Абылова печатал на машинке и время от времени попивал из пиалочки кумыс. Один бидончик с кумысом находился у него под столом, другой – в углу возле сейфа. То и дело заходили коллеги попить кумыс. Заходил и прокурор. Угощая кого-либо из своих, следователь предлагал кумыс и Абылову, когда же оставались вдвоем, пил сам, не прелагал. Абылов всякий раз вежливо отказывался. Кумыс был отменный, вобравший в себя силу и аромат альпийских трав.

В городе редко у кого был такой...

Вообще следователь, несмотря на молодость (ему было чуть больше тридцати), считался одним из самых опытных в облпрокуратуре. Его железная хватка и настойчивость ценились начальством. Ему поручались самые сложные дела. И был он не просто следователем, а следователем по особо важным делам. Звали его Акмат. (Интересно, знал ли он о Хвате?... {Широко известный в прошлом следователь НКВД, на совести которого много загубленных судеб} И о том, что на Западе охотятся за гитлеровскими эсэс до сих пор, а у нас бывшие энкавэдэшники спокойно доживают свой век?..)

Наконец, Абылов кончил отвечать на вопросы. Следователь, допечатав, вынул листы из белой портативной машинки и подал их на подпись Абылову. Напечатанное Абылова порядком озадачило и расстроило, но, овладев собой, он мягко и вежливо начал:

– Но ведь такого не было? Тут совсем по-другому написано!

– Давайте, подписывайте! А не то посажу в тюрьму! – осадил его Акмат. При этом взгляд его говорил о том, что говорить больше не о чем или, напротив, что есть о чем, но не здесь и не сейчас.

Абылов торопливо подписал листы протокола и выскользнул из кабинета.

И он не попал в тюрьму как другие.

Но, видимо, не только поэтому он не попал в тюрьму: возможно он не попал еще по одной причине, которая, вероятно, явилась главной, – дал сколько просил следователь и остался на свободе с надеждой на легкое обвинение в суде или даже подпадал под сокращение еще в прокуратуре. Все в руках следователя: «Хочу-караю, хочу-милую». Впрочем, это только предположение. А как говорится: «Не пойман – не вор!» И вообще, взятку доказать трудно, как говорят сами юристы.

Не попал в тюрьму и земляк следователя Аднаев. С земляка, наверное, взял поменьше.

Хотя, кто его знает, ведь приходится и самому отдавать, делиться.

Абсамат не осуждал ни Абылова, ни Аднаева.

А что им оставалось делать? Не дашь – так накрутят в обвинении, что чуть ли не главной фигурой пойдешь и загремишь черт знает на сколько. Дашь – может и совсем легко отделаешься. И уж он сам научит всему вплоть до того, что говорить на суде. Вот и выбирай тут, когда сзади семья, дети... И наскребли, наверное, из семейных сбережений, взяли займы, словом, нашли чем поделиться.

Не осуждал он и следователя, понимая, что он только винтик в системе, которая сложилась за долгие годы: в системе, которая зависела от денег и указаний сверху. В этой системе честный следователь становился «белой вороной»; чтобы отдавать наверх, надо было самому брать, а если не брать, то нечего было отдавать, ну а в этом случае лучше было уйти самому, чем ждать, пока попросят; чтобы выполнять указания, надо было наплевать на правду, а если держаться правды, то надо было пойти против указаний – это же означало быстрый конец всему: и карьере, и службе, и спокойствию. Вот и прилаживались к системе, получая от нее выгоду за это, а затем постепенно привыкали и начинали думать, что так и должно быть на самом деле и втайне оправдывали себя, мол, не мы ее создавали и не нам ее изменять, поскольку мы люди маленькие (И вообще, кто не берет? Берут все... Только надо быть осторожным...). А среди тех, с кем они боролись, ведя «поиски истины», и которым давали сроки, жила поговорка: «Черная собака, белая собака – все равно собака!» И сколько же придется работать правоохранительным органам в режиме действительной законности, чтобы она исчезла?..

Каждое дело для системы было очередной кормежкой. Таких и подобных систем за долгие годы развелось не один десяток. Отличие их было только в названиях, в сферах деятельности и способах кормежки.¹

Так что директриса и оба торговца лишь отбивались от соседней системы, ибо сами в свою очередь принадлежали к одной из таких систем, и по своему опыту знали, чем отбиваться. Летали и во Фрунзе, и в Москву. И даже отправляли гонца во Владимирскую область, откуда родом был прокурор...

Выпроводив Абылова, следователь принялся обрабатывать Абсамата (обвинять, пугать и обманывать), но все, как и раньше, шло впустую. Вся трудность состояла в том, что Абсамат не обманывался и не пугался. Этим он здорово мешал обычному ходу следствия. Он не хотел и упорно не подписывался в том, чего он не совершал, но должен был совершить по воле следователя, испугавшись его или поддавшись его обману.

Перед заключением под стражу вызывал к себе начальник следственного отдела. Видимо, он считал своим долгом лично посмотреть на того, за кем скоро закроется тюремная дверь по принятому ими решению, дабы исключить возможность возмущаться следствием на свободе. Абсамату же было объявлено, что он хочет выслушать его претензии к следствию.

Это был шупленький человечек лет сорока пяти, скорее напоминающий собой подростка, нежели мужа.

Содержание всего его наставления можно было выразить в одной фразе, обороненной им: – С нами так не разговаривают!

Да, с ними, как полагали они, нужно было только соглашаться, только признавать вину, даже если ее и не было.

¹ Такая же система, но уже «глобальной кормежки» зародилась после получения Кыргызстаном независимости, вокруг добычи золота на месторождении Кумтор. Никто не хотел вроде бы изначально воровать золото, но все так сложилось, как в прежние годы, когда всех ответственных работников в республике интересовали не правда и справедливость, а как бы не обидеть вышестоящее лицо, даже если оно хотело взять себе побольше золота, иначе ты не удержишься во власти и на работе – в результате, за 30 лет такой работы, Кыргызстан потерял 800 тонн золота, а на месте разработки руды высоко в горах возникло огромное озеро с высокотоксичными ядами и весь регион стоит на пороге экологической катастрофы. Чит. книгу – «Золотые врата Кумтора.» https://ridero.ru/books/widget/zoloty_e_vrata_kumtora/ а также «Падающие в Черную дыру президенты» <https://www.proza.ru/2019/09/14/255> Урок синхронного плавания первых леди страны. <https://www.stihi.ru/2019/09/06/6176>

Щупленький человечек старался выглядеть грозным мужем, но было что-то противоестественное в этом, словно притаившийся в нем пугливый подросток только ждал команды, готовый явиться, чтобы принести извинения. Сама же готовность к смене состояний жила в нем вполне естественно, так сказать, сидела в крови. И как же не быть этой готовности, если указания сверху могли измениться по любому делу, в любой момент, поскольку система, занятая кормежкой на всех своих уровнях, вовсе не была заинтересована в главной своей обязанности – соблюдения законности?!..

Прокурор к себе не вызывал. Он всегда аккуратно отвечал отпечатанными постановлениями о том, что следствие ведется объективно и в полном объеме, и передавал через следователя.

Заключение же под стражу произошло прямо как в детективе. Следователь объявил Абсамату, что, наконец, осталось последнее для выяснения полноты дела – очная ставка с директрисой. Они сели в «Жигули» следователя, но до спецбольницы, где лечилась директриса, как в годы своего директорства (а теперь и скрывалась), в отдельной персональной палате со всеми удобствами (а рядовые исполнители, и в том числе больные среди них, в это время ютились на нарах), они не доехали. Следователь остановил машину перед воротами КПЗ и сдал Абсамата персоналу КПЗ. Потом через три дня его оттуда перевели в СИЗО.

Этот способ заключения под стражу с полным правом можно было отнести к тем маленьким «хитростям профессии» (от запугиваний при ведении допросов до подмены листов в протоколах), которыми пользовались следователи, просвещая людей, по воле судьбы или обстоятельств сталкивающихся с этой системой.

Когда во второй раз областной суд отправил дело на доследствие, прокурор объявил прокурору, осуществлявшему надзор за следствием, выговор, а следователя отстранил от производства следствия. Создали группу следователей.

И новый следователь на правах старшего в группе стал всем распоряжаться. Он начал с того, что приехав в СИЗО, освободил Абсамата и его подельников, взяв с них подписку о невыезде. При этом он не устал напоминать людям, выходящим на свободу, что именно он, взяв на себя всю ответственность, добился изменения меры пресечения. Конечно, это не вполне соответствовало действительности. (Просто ранее была принята мера пресечения, не соответствовавшая обстоятельствам дела, да и к тому же главные организаторы, которые были известны всем, кроме прокуратуры, находились на свободе. И теперь приходилось изменять меру пресечения, чтобы самим не попасть впросак). Но как бы там ни было, все были рады освобождению и благодарили следователя. Прощаясь, он дал три-четыре дня, чтобы освобожденные пришли в себя после СИЗО от вшей и баланды, а потом явились к нему на прием.

Это был молодой человек лет тридцати с незаметной полнотой тела по причине почти двухметрового роста, с крупным носом на мясистом лице и круглыми подвижными черными глазами под низким лбом, поверх которого лежали прямые густые черные волосы. Казалось, что все в нем исходило из добродушия. Походка была мягкой и осторожной, словно он боялся кого-то ненароком задеть своим массивным телом. Таким же мягким и осторожным было обращение к людям: он всегда первым здоровался, первым улыбался и всегда тепло прощался.

Его роскошная собственная «Волга» (подарок отца) служила с такой же легкостью, как и он сам, дежурной начальству прокуратуры.

Подельники Абсамата радовались, что наконец-то дело передали хорошему следователю. Много было разговоров о том, что если бы с самого начала дело вел он, то все было бы по-другому. Да и он сам поддавал жару в эти разговоры, соглашаясь с ними.

В это время (когда Искендер был старшим) состоялся разговор с ним, запомнившийся Абсамату своей искренностью по той простой причине, что ни к чему не обязывал.

– Неблагодарная у вас работа, – как-то посочувствовал Абсамат и объяснил свою реплику:

– Как бы вы не работали, все равно вами недовольны.

– Да, – согласился он и, тронутый сочувствием, продолжил, – вот ты думаешь ваше дело легкое? Нет, не легкое, а напротив – очень сложное и трудное. Запутались вы все. Разве вам это нужно было? Кому он ваш план нужен был? Директрисе разве что, а она на вас все валит. Вот и попробуй распутай это дело. А распутать надо. И при этом справедливо. Вот как!

«Хорошо ты говоришь, – думалось Абсамату, – но вот будет ли так, как ты говоришь. Не верилось в это. Не верилось, что вот они сами (следователи и прокуроры), как говорил он, по своей воле, служебным обязанностям или еще из каких-то побуждений теперь начнут выяснять истину и устанавливать справедливость по делу».

Действительность подтвердила худшие опасения. Из Фрунзе начали требовать сдачи дела в суд. Прежнего следователя – Акмата – вдруг вновь назначили старшим в группу, сместив «хорошего» следователя – Искендера – к нему в помощники (как потом узнал Абсамат, об этом ходатайствовал прокурор, надзиравший за следствием, тот самый, с которым следователь вел дело с самого начала. «Рука руку мыла».

«Хороший» же следователь теперь при встрече, разводя руками, говорил:

– Что поделаешь? Но вот, если и на этот раз суд вернет дело, то тогда уж точно его дадут мне, и я вас всех оправдаю – и по-прежнему источал добродушие.

А подельники Абсамата искренне сожалели о случившемся, не сознавая того, что дело не в следователе, а в системе, которая кормилась не за счет рядовых исполнителей (у них и не было таких средств, чтобы кормить систему), а потому отстаивала не их интересы. Хорошие же следователи, то есть объективные, не борющиеся с преступностью, а действующие по закону, системе были не нужны, как телеге пятое колесо. Для того, чтобы появились хорошие следователи, нужно было менять систему.

Следствие возвращалось на годами наезженную колею...

Но тут, как иногда бывает в жизни, случилось непредвиденное: умер следователь.

Утонул на очередной дружеской пьянке, которая проходила на берегу водохранилища (говорили, что шестеро коллег из разных ведомств не поделили между собой, выделенных директрисой и двумя торгашами трех миллионов отступных за сокращение их дел в прокуратуре). Конечно, если этого бы не произошло, он уж точно до победного конца довел бы дело, несмотря на то, что в последнее время судьи обнаглели: чуть ли не каждое дело отправляют на доследствие. Вот раньше, а впрочем, совсем недавно ведь были времена... Довел дело до обвинительного заключения, отправил его в суд (а там все проходило) и праздной себе, отдыхай, ожидая благодарностей от начальства, а то и повышения по службе за очередной вклад в дело борьбы с преступностью.

Заменили и прокурора. Он был почетным гостем на той пьянке, когда утонул следователь.

Так они и шли вместе по жизни до последнего дня следователя. Вместе работали, вместе заканчивали дела и вместе отдыхали как могли, закусывая после посольской водки китайскими змеями, – это уже в последнее время, в первые годы перестройки, когда закрывались последние точки и змеились очереди за водкой.

...Свобода входила в жизнь. Приятно было открывать двери самому без помощи других, в обязанности которых входило это. Любая погода представлялась самой лучшей, так как дышала волей...

И вновь к нему навстречу бежала дочь.

Бежала так быстро, как только могла в свои три с половиной года.

Бежала так, как будто кто-то хотел ее опередить, а ей нужно было не допустить этого.

Бежала, крепко стиснув зубы, впиваясь глазами в Абсамата и размахивая маленькими ручонками.

Но теперь возглас «акам келди!» (брат пришел! -кырг.) звучал не только всепобеждающе, но и жадно, словно она хотела раз и навсегда отбить чье-либо право на своего брата, как

обычно называют своих отцов дети в киргизских семьях, растущие под присмотром бабушек и дедушек.

И откуда было ей знать, что следак – это следователь, который привык распоряжаться человеческими судьбами в зависимости от карьеры, выгоды или личной неприязни, орудуя законом, как мечом и щитом, будто написан он был только для него и ничего не делал бесплатно, словно был ему выдан патент от имени государства на продажу постановлений, определений и решений. А прокуроры и судьи потворствовали ему и ладили с ним, как и ладили между собой, находясь в одной упряжке, и получая подачки и от него, как и от других...

И иногда, заражаясь всеобщим духом борьбы с преступностью, преследуя свои корыстные цели, и, словно насмехаясь над собственным предназначением, в эту упряжку впрягались и адвокаты...

Но она знала одно – как хорошо, когда рядом отец.

На небе, закрытом облаками, матовым кружком висело солнце, тускло освещая землю.

1993.

ЛЮДА

или Письмо в программу «Жди меня»

История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она- следствие наблюдений ума зрелого над самим собою.

М.Ю.Лермонтов

Добиться успеха, как подсказывает мне опыт, можно лишь одним способом- говоря правду, как ты ее понимаешь...

С. Моэм.

Полгода, если не больше, я потратил на то, чтобы написать рассказ или повесть о женщинах нашего времени. Прототипами героинь выступили моя жена и ее сестра-подруга- успешная (как любят говорить сейчас), молодая еще женщина без нравственных комплексов, работающая бухгалтером в нескольких местах, незамужняя, красивая... Моя же жена в последние годы во всем, как сказали бы раньше, равнялась на нее...

...И такая меня взяла тоска: становилось все противней в душе, как будто бы сам заполняешься грязью, когда стал описывать, вплотную разрабатывать образы этих женщин, которых я близко и достоверно знал... что я решил, отложить это дело до другого времени...

...Пока же решил написать о Людмиле Б. из моего советского далека. Давным-давно я собирался написать о ней. Несколько раз принимался, но не продвигался дальше нескольких страниц: время не наступало... Как говорила моя первая теща, явно пытаясь выглядеть мудрой и передавая чьи-то слова: «Ар бир иш сааты чыкканда бутот». («Каждое дело исполняется с наступлением своего времени». -кырг.) И вот теперь, мне кажется, что это время наступило, и, даст Бог, я напишу. Собственно, я и писать-то стал из-за нее: «Благодарю тебя за то, что по судьбе прошла...» (Р. Рождественский).

У каждого своя судьба-это теперь мне известно: “ У каждой вещи есть истинная суть, и не придет раб к истинной сути веры, пока не узнает, что постигшее его не могло обойти его стороной, а то, что обошло его стороной, не могло постичь его». (Ахмад).

Да, у каждого своя судьба, но за что Ты, Всемогущий, сделал так, что я, конечно, по Твоей воле, сам отказался от нее, от единственной женщины, которая могла дать мне счастье на этой земле?! Сколько раз она потом мне все снилась, говоря: «Что ты сделал, Саша?!» И сколько раз я убеждался, после каждой следующей жены, что сам, не ведая этого, оправдывая по недалекому уму человеческому свое решение, оттолкнул свое счастье, отказался от женщины, которая была бы мне хорошей женой...

О Всемогущий, что теперь зря сожалеть... если она жива, сделай счастливыми ей оставшиеся дни, и если мне не суждено уже соединиться с ней в этой жизни, то в другой- в вечной жизни- дай мне в супруги ее: и никаких Твоих гурий мне не надо!

О Всемогущий, исправь эту ошибку (не Твою- мою), если это возможно, то еще в этой жизни!..

Во время первой встречи с Людой в 1965 году автор был в том же возрасте, что и сегодня его сын Бексултан.

В один из летних ясных, но уже прохладных дней, в конце августа 1965 года, к нам пришли познакомиться наши будущие соседи. Их дом был на ремонте, а они, пока жили на временной квартире, недалеко от нас. Отцу этого семейства, который был партийным работником², полагалась эта соседняя квартира, вернее, дом в пять комнат с большим, по меркам того времени, двором.

По меркам того времени, где, по крайней мере, в жизни общества провозглашались такие ценности, как нравственность, порядочность, честность, скромность, что «человек человеку друг, товарищ и брат» и др., так обесцененные в представлении людей сейчас, когда в обществе царят совсем другие ценности: «фальшь, обман, воровство, подлость, лицемерие, предательство поднятые до уровня добра» (по М.С.Норбекову), – и «...когда не к кому прислониться душой», – как заметил советский и русский писатель Д. Гранин. Вообще наше советское время (особенно, так называемое, время застоя; время —хорошего человека и руководителя-Л.И.Брежнева, затем К.У.Черненко и Ю.В.Андропова) было хорошим, благодатным временем в жизни простого народа, потом бессовестно оболганное и преданное...

Пример Китая с его системой либерального коммунизма говорит о том, что мы поспешили в мир капитализма-в мир Зазеркалья, где «каждый за себя – один Бог за всех», где сама система развращает человека, если не противопоставить ей идеалы нравственности, выработанные всем ходом человеческого развития, и отображенные во всех мировых религиях, в культуре и в литературе... Остаться человеком в бесчеловечной в своей основе системе!.. и в порождаемой ею бесчеловечной среде!..

² Речь идет об известном партийном деятеле Ю. П. Беляке, который жил в городе Кара-Суу в то время по соседству с другим известным партийным деятелем А. О. Осоровым, с которыми он был в дружественных отношениях, как и их семьи.

Впрочем, нас и не спрашивали... простому народу не нужен был развал великой страны – Советского Союза.³

7 апреля в Кыргызстане прошла революция социального (почти социалистического с ее декретами) характера... движущей силой которой выступила беднейшая часть населения (молодежь и граждане постарше без работы, без жилья, без средств для простого существования), лишенная тех минимальных прав, которые при социализме им гарантиовало государство. Власть, особенно в Кыргызстане, не прислушалась к призывам академика А.Д.Сахарова к конвергенции систем, т.е. брать лучшее, что есть в обеих системах, и что стало уже во второй раз причиной революции или переворота в Кыргызстане. Конечно, власти было легче обвинять беднейшую часть населения в нежелании работать, в лени, чем обеспечить ее работой или нормальными пособиями по безработице. Опыт нашей республики показал, что даже благосостояние большей части населения не является гарантией спокойствия в государстве-гарантией спокойствия является благосостояние небольшой, но беднейшей части населения, «... которой, – как говорили классики марксизма, – нечего терять...» Пока государство не возьмет на себя эту заботу, как это делается в развитых государствах Запада, в России, Казахстане, Кыргызстане будут сохраняться причины и условия для очередного переворота или революции... для очередных массовых беспорядков... что страшно для простого народа, и что должно быть стыдно власти допустившей это.

После взаимных приветствий, взрослые удалились домой, а во дворе остались мы: Женя, Люда, я и Коля-мой старший брат.

Меня не радовало знакомство с Людой и ее старшей сестрой-Женей. Я взобрался на забор и, ухватившись за столб ворот, разглядывал улицу: и мне это казалось более стоящим делом, чем стоять внизу рядом с девчонками.

Они этого, словно не замечали, рассказывая нам с братом, с чувством сожаления, о покинутом городе Кадамджае, об оставшихся там друзьях. То и дело они обращались к друг другу: «А помнишь Сережу?» – «Да, хороший был мальчик».

Люда была моей сверстницей, а Женя года на три старше. Обе были в красных плащах, у Люды еще была на голове красная беретка с того же материала, что и плащи. Остренький носик был усеян веснушками, которые исчезали на светлой коже лица. Красновато-золотистые волосы выбивались из под беретки маленькой челкой спереди, а сзади свободно ложились на плечи. Свето-коричневые глаза, которые, как я заметил впоследствии, могли сильно радоваться, сейчас выражали сожаление, и только при воспоминании о добрых сердцу друзьях и подружках, наливались сдержанной радостью. У сестры лицо было строже и несколько круглей, волосы и глаза темней.

Внизу, тем временем, Коля и Женя играли в настольный теннис, Люда стояла сбоку теннисного стола и следила за игрой. Коля рассказывал им о нашей школе, находящейся в начале нашей улицы и тоже, как улица, носящая имя великого русского поэта -А.С.Пушкина, и имя которого я присвоил себе, и которое с тех пор стало моим вторым именем.

В конце нашей встречи, я все-таки снизошел до девчонок и спустился с забора. Люда спросила меня о том, в какой из четвертых классов ей пойти. Я предложил ей идти только в 4«а» и никуда больше. Это был мой родной класс.

Так началось мое знакомство с той, которую после я стал называть своей любимой, и называю ее так по сей день...

³ Европа и Америка – это и есть наш родной дом, где все люди ведут себя как дети и хорошие родственники. Все вежливо здороваются при встрече и боятся чем-то обидеть тебя. Мы же, оказавшись в этой ситуации, часто чувствуем себя и ведем, как слон в посудной лавке. У нас просто не принято быть такими и мы привыкли всегда и везде либо показывать свою силу и агрессию, либо слабость и беспомощность. Из «Возвращения домой». <https://www.proza.ru/2019/09/22/748> См. также «Европейский хадж» <https://www.proza.ru/2019/09/22/734> «Время, когда мы будем любить друг друга» <https://www.proza.ru/2019/09/22/736>

И сейчас я ее вижу, представляю (у меня есть бессознательная, как у некоторых, способность иногда видеть человека, где бы он ни был, на каком бы расстоянии от тебя не находился, словно на фотографии или в кадре кино) строгой, умудренной опытом жизни женщиной, только что перешагнувшей 50-летний рубеж, и полной еще женского обаяния и грации.

Я знаю, что люди, особенно близкие к друг другу, могут общаться на расстоянии. Порой в мыслях, в дремоте или в снах мы с кем-нибудь общаемся, узнаем какие-то новости, знаем о том, как к друг другу относимся. Потом при встрече убеждаемся в том, что, действительно, отношения таковы, как в этом общении на расстоянии, а новости, о которых нам сообщают, нам уже известны.

Таким же путем мы можем общаться с нашими недругами, знать заранее об их намерениях... и просим Бога оградить нас от этих людей, уберечь от их зла; и Он защищает нас, исправляет наши дела, куда-то направляет нас, а куда-то, наоборот, не пускает...

В прошлом году дух Л.Б., как только моя жена уехала в Москву, посетил меня во сне (я словно просыпался и обратно засыпал, а дух заботился обо мне), освободил меня от обязанностей перед этой безнравственной женщиной, чтобы я жил своей жизнью, делал свои дела, работал... Этот дух был очень рассержен на мою жену, ведь только женщина понимает, как может бессердечная и бессовестная женщина изводить мужа... Родная моя, она, как в детстве, беспокоилась за меня... (Она, по моим снам, проживает в Пулково, под Санкт-Петербургом, и руководит какой-то научной лабораторией).

Конечно, в Люду влюбились сразу все мальчишки нашего класса, и я в том числе, но долгое время я этого не понимал, потому что считал всех девчонок недостойными внимания. Я даже не заметил, как она стала вдруг дорога мне; не понял, как влюбился детской (она гораздо серьезней взрослой) своей любовью к ней. Иногда я сокрушался по поводу того, что я не был русским и к тому же, как мне казалось, я не был красивым.

В нашем классе был милый и добрый мальчик-Володя. Я ему завидовал, как могут завидовать только в детстве, без грязи в душе. «Ну, пусть, Люда любит его, а я буду защищать его,» - решил я, желая делать что-то хорошее для Люды. По-детски я смотрел на зеркало и не по-детски размышлял: «Пусть я даже самый плохой на свете, но ведь никто не мешает мне стать лучше!» И в тебе рождалась правда, только твоя правда, которую ты пронесешь через всю жизнь; и воспоминания о девчонке, ради которой тебе хотелось стать самым лучшим человеком на свете, всегда будут с тобой, помогая тебе жить: радоваться жизни или терпеть ее...

И я взял под свою опеку этого милого и безобидного мальчика, который иногда приходил с Наташей (еще одной нашей одноклассницей) к Люде домой поиграть. Как теперь мне вспоминается, Люда с Наташей любили Володю за то, что он позволял им возиться с ним, заботиться о нем, как о своем младшем братике, чего не позволял делать с собой даже Петя-родной брат Люды. (Позже он в нашей размолвке с Людой примет мою сторону, будет винить Люду). В отличие от Володи я никогда не приближался к Люде, а уж играть с ней считал постыдным делом для настоящего мальчика.

Я защищал не только Володю, но ради Люды, всегда был на стороне девчонок. Наши девчонки всегда могли положиться на меня. Так они и говорили иногда нашим ребятам, как признавался мой друг Руслан: «Ну и не надо! Нас Саша сфотографирует!», или «А нам Саша сделает!», или «Скажем Саше, он вам покажет!»

Прошло два года. Мы были уже в шестом классе, когда моего отца, тоже партийного работника, перевели на работу в областной центр-город Ош.

В день проводов нашу семью провожали Люда со своей мамой Лидией Петровной.

Люда была в этот день задумчивой, мне даже показалось, что она болеет и будто хотела что-то сказать мне... но я старался не обращать на нее внимания, держался подальше от нее и ничего не сказал ей на прощание... И только, когда отцовская служебная «Победа», на кото-

рой мы уезжали, тронулась, я понял, сколько много остается в Кара-Суу. Остается счастливое детство, друзья, а вместе с ними и Люда – моя добрая курносая с веснушками на лице девчонка, озарившая своим присутствием мое детство. Я, впервые, отбросив перед Людой всякую мальчишескую гордость, отчаянно замахал ей рукой сквозь заднее стекло машины. И она замахала мне в ответ. Тогда-то я понял сердцем, что и она полюбила меня...

...Нет, по-моему, полюбила она еще раньше. Любовь, женская часто начинается с сострадания...

Я с детства не любил поездки. И сейчас куда-то поехать, сорваться с привычного места для меня поначалу целая проблема. Природа, горы, другие города и люди не особенно-то меня интересуют. Мне гораздо интересней почитать интересную книгу: например, погрузиться в любимого мною Ж. Сименона, или перечитать с удовольствием повесть Л.Н.Толстого «Казачьи». И в детстве я жил среди книг: у отца была хорошая библиотека. Была у меня и своя любимая книга – «Степкина правда» Н.К.Чаусова, – о первых пионерских отрядах, которую я сам купил в книжном магазине. Словом, я человек домашний, в отличие от иных, которые не могут сидеть дома.

Именно по этой причине меня часто оставляли сторожить дом, когда вся семья на день-два уезжала отдыхать в Арсланбоб (природный ореховый заповедник) или в деревню к дедушке. У родителей, впрочем, был небольшой выбор: старшего оставлять нельзя-беспокойный слишком, – натворит что-нибудь, младший-мал еще. И я мужественно оставался приглядывать за домом, и как учил дед, ложась спать, я подкладывал под подушку нож, чтобы хорошо спалось.

Но иногда мне тоже хотелось съездить со всеми – и тут выяснялось, что меня не могут заменить ни старший, ни младший из братьев. И вот в один из таких, вынужденных со стороны родителей, отказов мне в поездке, я в сильном огорчении, даже не попрощавшись с уезжающими, прошел в угол двора, зашел в наш, сколоченный из досок, летний душ, и сел на лавку. Вдруг я услышал снаружи шаги. Это Люда с мамой, проводив наших, шли через наш двор мимо душа к себе домой (наши дворы соединялись калиткой). Я был вознагражден за свои горести: «Ну, мама, почему Сашу всегда оставляют?!» – заступалась за меня Люда и сострадала своим маленьким, чистым сердцем...

Мы уже жили в Оше, а сердце мое оставалось в родном моем городке Кара-Суу. В воображении я переносился туда, где не расставался с курносой с веснушками на лице девчонкой, в улыбке которой было полным-полно солнечного света.

Прошло около года, как мы переехали в Ош. Летом мы часто купались с братьями и друзьями на Комсомольском озере, которое располагалось в центре города, в пяти минутах ходьбы от нашего дома. На юго-западной стороне озера было большое крепкое раскидистое дерево карагача, метров 15—20 высотой. Однажды после прогулки в одиночестве по окраине парка, примыкавшей к озеру, я взобрался на него и, сидя почти на верхушке дерева, смотрел на гладь озера, на прыгающих с вышки, купающихся и отдыхающих на берегу людей. Вдруг я заметил группу, проходящих по берегу ребят. Это были на экскурсии в Оше мои одноклассники из Кара-Суу со своей новой классной руководительницей. Среди них была и Люда. Им я был не виден среди ветвей и листьев. Я молча проследил, как они прошли внизу мимо дерева в сторону парка, постеснялся встретиться с ними, особенно с Людой...

Постеснялся из-за своей любви к ней... А ведь мне было чем похвастаться перед ней: я уже был чемпионом области по вольной борьбе в весе 44 кг. И этой удачей был обязан ей... (Мою фамилию, наряду с фамилиями победителей в других весовых категориях, дали в отчете о соревнованиях в областной газете. Радости отца не было предела!)

В ноябре 1973 года на ноябрьские праздники я купил билет на самолет в Ош, чтобы провести праздничные дни в Наукате, где в то время работал отец и проживала наша семья,

а сам я учился в политехническом институте во Фрунзе. (В то время я на свою стипендию вполне мог позволить себе такую поездку, даже мог приобрести билет до Москвы.)

5 ноября, приехав на троллейбусе в аэропорт, который тогда находился почти в черте города, я столкнулся там с Женей, которая встречала Люду, прилетающую из Ленинграда.

– Как дела, Саша? Сколько лет прошло! – обрадовалась встрече Женя.

Я же, едва ответив на ее приветствие, не высказал ответного сопереживания ее чувствам, как будто был совсем не рад этой встрече.

Тогда я мучался своей проблемой, что сказывалось на общении с другими вдобавок к тому, что я вообще был не общителен: я собирался бросить институт и идти в армию – отдать свой долг родине, как мы выражались тогда, – чтобы после службы решать что делать. Два года я упорно готовился к экзаменам, чтобы поступить на энергетический факультет, где учился мой старший брат, на отделение «Автоматики и телемеханики» только потому, что туда был самый большой конкурс по институту. Поступив же и разобравшись, что это такое, я понял, что это не мое... Отец и, особенно, старший брат требовали, чтобы я продолжал учиться: нечего, мол, с жиру беситься!.. В конце концов я через два года настоял на своем и отправился, как все (тогда почти все молодые люди проходили службу в армии или военную подготовку в вузах), в армию, отказавшись от предложения отца перевести меня в университет, заявив ему, что с меня довольно одной ошибки.

Обидев Женю, я прошел в зал аэровокзала на регистрацию своего билета. Вскоре объявили посадку на наш рейс. Нас повели к нашему «Як-40», который стоял на асфальтовом поле аэропорта, неподалеку от выхода город.

Уже, сидя в салоне самолета, я через иллюминатор видел, как с ленинградского рейса, среди других пассажиров шла по полю аэропорта Люда.

– Еще одну глупость совершил: зря обидел Женю, – мучался я.

А Люда была так близка и в то же время так далека от меня... вернее, я от нее. «Каждый шел своей судьбой», – это ясно мне теперь, но тогда... – это была моя трагедия, чуть ли не самый худший день в моей жизни.

Хотя, кажется, что сойди я тогда с самолета – и все дела!.. Но это не так: «Всею свое время и свой устав», – как говорил в «Книге Экклесиаста» Соломон. Даже сойди я с самолета – это ничем хорошим для нас не обернулось бы тогда: с таким же успехом обидел бы я и Люду, любя ее больше всех на свете...

Мы встречаемся с кем-то и нам кажется, что мы сами так или иначе обошлись с ним, при этом мы не замечаем перста Божьего, который вел нас с самого начала нашей встречи и до конца ее. «Я всю жизнь пытался поймать за руку Бога!» – признавался в старости великий А. Эйнштейн.

Вообще, «руку Бога» мы ощущаем в переломные моменты нашей жизни, когда она жестко ведет нас и нам это видно. В обыденной же жизни, видимо, наше внимание настолько притупляется, что мы ее просто не видим... но это вовсе не означает, что она в это время не ведет нас...

Приведу выдержки из разговора москвички Аллы Алексеевны с психологом на эту тему по телефону («КП» от 12 октября 2001г.):

– Анализируя свою жизнь, прихожу к выводу, что у каждого есть своя судьба и от нее никуда не денешься...

– Мне часто кажется, что в какой-то ситуации я могу поступить иначе, чем поступаю, но меня кто-то или что-то ограничивает, как бы насильственно направляет...

В последний год перед службой в армии, я еще съездил в Талас, в Кировский район, к родителям Люды.

Приняли меня хорошо.

Лидия Петровна, показывая фотографии дочерей, заметила:

– Какие они уже большие?!

– И какие они у Вас хорошие! -хотелось мне вставить свою реплику, но я промолчал: впрочем, ей и без моих слов было понятно мое отношение к ее дочери.

Мне было хорошо у Лидии Петровны: нас объединяла наша любовь к Люде.

За ужином Юрий Петрович предложил мне выпить.

– Я не буду! -вдруг грубо и глупо отказался я от его предложения, вспомнив, как в детстве отец обижал мать, когда в какие-либо праздники приходил с работы выпившим, а та поступала не самым лучшим образом, настраивая детей против отца.

Лидия Петровна, на следующий день, провожая меня во Фрунзе, набила мой студенческий портфель продуктами, чему потом были очень рады мои друзья по общежитию.

Да, если Люда всегда, несмотря ни на что, хорошо относилась ко мне, верила в меня как в человека, то это ей передавалось от нее-от дорогой мне Лидии Петровны, ведь с моих детских лет, я помню, она чему-то учила меня, воспитывала. Видимо, зная мою мать, она хотела что-то восполнить в моем воспитании, чувствуя во мне встречное желание. Ее старания не прошли даром: они приучили меня к самовоспитанию; к вере в себя, в свои силы; я научился спасать себя...⁴

– Мне сегодня снова показалось, – однажды в этот период жизни я записал в своем дневнике, – что наконец Люда приехала, чтобы встретиться со мной. (Взяв, у Пети ленинградский адрес Люды, я отправил ей несколько писем, но она не отвечала. Во мне постоянно теплилась надежда на то, что, приезжая к родителям из Ленинграда, она зайдет и ко мне.).

Девушка прошла в наше общежитие. Я невольно последовал за ней. Когда зашел в общежитие, она стояла возле вахтерши.

Ее я видел, словно в тумане, и, волнуясь, тихо произнес:

– Здравствуй!

Туман начал рассеиваться; теперь мне ясно были видны удивленные глаза и лицо девушки, пытавшейся что-то понять.

– Позовите мне, пожалуйста, Аллу из 321 комнаты? —проговорила она. Каждое ее слово звучало так, словно жалело меня. Это была тоже хорошая, добрая девушка...

Я произнес: «Да, да, я сейчас позову», -и побрел по коридору.

Помню еще, как она —Люда – мелькнула за деревьями горного леса, недалеко от меня, впереди группы своих друзей, в Доме отдыха, в Арсланбобе. И она, помню, тоже заметила меня... но я не последовал за ней...

Летом 1978 года, вернувшись из армии, я узнал адрес квартиры во Фрунзе (ул. Панфилова 136,кВ.1),где проживала Люда, после окончания ленинградского института физики земли, и работала инженером на заводе имени В.И.Ленина.

В один из субботних дней, верней, вечеров я наведлся к ней. Пришел я, как говорится, не вовремя. Оказывается, у нее были гости: молодой ее коллега по заводу с женой и приятелем, которого они хотели познакомить с Людой. Люда моему приходу обрадовалась. Она провела меня на кухню и предложила остаться вместе с гостями. Попробовав винограда, который она мыла в тарелке под струей воды в раковине умывальника, я отказался от ее предложения, мол, мне не удобно, лучше я завтра позвоню, и мы встретимся.

На следующее утро я позвонил ей из телефонного автомата: на квартире у брата не было телефона. Она, видимо, была обижена на меня за то, что я вчера не остался вместе с гостями, и, как только я дозвонился, она, ответив на мое приветствие, положила трубку. Разозлился на ее выходку и я, по молодости, считая себя ни в чем не виноватым... Решил совсем разо-

⁴ Доктор Дж. Диспенза говорит, что мы в любом случае должны корректировать свое прошлое. Смотреть также «The double outcomes of the past editing» (The autopilot of Superposition), Жаль, что я не твой ребенок (stih.ru), Замир Осоров.

рвать наши отношения, которые и так долгое время были заочными, не переходя в плоскость непосредственного общения.

К этому добавилось еще то, что моя мать еще с детских лет отговаривала меня от Люды, мол, всем хороша Люда, да вот только русская... Помню, Люда еще в четвертом классе, получив несколько уроков у моей матери, сделала плов и, выложив его горкой на тарелку, занесла нам попробовать. И тогда мать была против, вместо того, чтобы сказать: «Ну станете взрослыми, а там посмотрите!», она мне, как взрослому человеку, твердила: «Нет, нет, женишься на ней, только, перешагнув через меня!» Это у нее означало что-то подобное русскому «только через мой труп!» А я не знал, что можно быть хорошей матерью, но быть при этом недалекой в каких-то вопросах, и что не надо было мне слушаться ее, – да разве до этого додумаешься в свои двадцать три года?!

Еще помню, свои размышления после армии о том, что мне надо обязательно жениться на киргизке. За два года службы (которые я провел в дивном Красноярском крае, в поселке Старцево), соскучившись по своей земле, по землякам, невольно становишься на какое-то время «патриотом»...

Надо еще, ради справедливости, сказать, что тогда увлекся я любовью к одной красивой дуре, которую впоследствии, на мое счастье, «украли», не дав мне сделать глупость жениться на ней, ведь красота – вещь уходящая, а дурость – нет, она-надолго, если не навсегда!

Словом, судьба, всяким образом, вела меня к расставанию с Людой... Не знал я тогда, что судьба движет людьми по воле Небес, и что Он-Единственный Писатель... Иначе бы я обратился к Нему и Он бы по-другому написал наши судьбы... и не разошлись бы наши пути с Людой, к несчастью для нас обоих: потом уже мне говорили, что и Люда выходила замуж и не была счастлива в замужестве.

Мой старший брат, работавший в то время в ЦК ЛКСМ Киргизии, устроил меня на работу ассистентом режиссера в киножурнал «Корогоч» («Зоркий глаз» -кырг.) при «Киргизфильме». (Как мне стало известно позже, помогла в этом ему инструктор ЦК КП Киргизии В. Я. Калашникова, друг нашей семьи, почти наша сестра. Сейчас она живет в Москве).

Отец со старшим братом придумали эту комбинацию, чтобы я не уехал в Ленинград на балтийский завод имени Серго Орджоникидзе, откуда я к этому времени уже получил приглашение на работу.

И я отправился в первую свою командировку вокруг озера Иссык-Куль в составе киногруппы, возглавляемой режиссером М.А.Убукеевым, которая снимала документальный фильм про экологию озера. Помню, как мы брали интервью у А. Токомбаева, известного поэта, и как Мелис Айткулович, когда мы приехали на встречу с Ч.Т.Айтматовым, представил меня ему, сказав: «Вот, Чыке, этот молодой человек мечтает познакомиться с тобой!»

Потом они зашли в небольшой павильон для встреч с гостями на даче Совмина, а я подождал их снаружи.

Я не собирался специально встречаться с Людой, но однажды столкнулся с ней и ее сестрой Женей возле кинотеатра «Ала-Тоо», где я пересаживался на другой троллейбус, чтобы добраться до «Киргизфильма». (Это случилось через месяца три после моего неудачного хождения к ней в гости). Я поздоровался с ними. На вопрос Жени о том, что делаешь, ответил с чувством собственного достоинства: «Работаю в „Киргизфильме“!» – мол, знай, Люда наших.

В это время Люда перебирала пальцами своих добрых рук пуговицы на моем китайском джемпере, известной тогда фабрики «Дружба».

– Саша, почему ты так тепло одет, ведь жарко же? – как в детстве, сострадала мне она, мой единственный родной человек, единственная женщина, с которой я мог быть счастлив!.. А я – дурак!.. отказался, не ведая этого, сам от своего счастья, буркнув в ответ:

– А мне холодно!

(Вот и пришлось на протяжении всех после прожитых лет ощущать временами этот холод, не находя тепла сострадания, отвергнутого тобой родного человека, а кто-то другой всегда занимал ее место...)

Женя же, как человек старше и опытнее нас, улыбалась нашим отношениям, видимо, видя в этом лишь временную размолвку, а не поступь судьбы... которая уже распоряжалась по-своему...

Я пожелал им, особенно Люде, всего наилучшего в жизни и расстался с ними. Уже в троллейбусе, двигавшемся вверх по проспекту от кинотеатра «Ала-Тоо», я увидел их, шедших по проспекту в том же направлении. Люда с покрасневшим, почти пунцовым, лицом с досадой на лице что-то объясняла Жене...

Вот так я расстался, на свое несчастье, с моей Людой, с рожденной для меня единственной женщиной...

В то наше советское время нравственность и порядочность были присущи большинству простых советских людей, по крайней мере они стыдились безнравственности и непорядочности. Помните, как в фильме «А зори здесь тихие...» Лизе Бричкиной, когда та поднялась ночью (не от порочности своей, а по глупости...) на сеновал к остановившемуся у них гостю из Москвы, тот ответил: «Глупости не надо делать даже со скуки!» – и выпроводил ее. То же самое совершает и знаменитый Сухов в «Белом солнце пустыни». А в «Двух капитанах» герой по клевете был разлучен с любимой девушкой и оставался во все эти годы разлук верен ей. Ведь и в жизни многие так и жили, так и любили, сохраняя чистоту чувств и отношений.

А сейчас что? Недавно ко мне заходила студентка Насыкат, переписчица по переписи населения и жилого фонда. В квартире на этот момент кроме меня и ее никого не было: сын играл на улице. Так она бедная (было видно невооруженным взглядом) пока делала свои записи, все опасалась, что я завалю ее на диван и трахну (я всего лишь выражаюсь современным языком). Отказалась зайти в зал, чтобы нормально за столом сделать свои записи.

Писала, присев на табуретку, сбоку тумбочки зеркала в прихожей. Когда заканчивала, я спросил: «Что, кончила, что ли?»

Она из осторожности солгала: «Нет», – а сама потихоньку собралась уходить, собрав свои бумаги и положив их в свой черный портфель. Прощание же наше было теплым: она была благодарна мне за то, что я вел себя нормально, не приставал к ней, и, вот, просто отпускаю ее. Вот до чего довело наше, мягко говоря, не совсем порядочное общество наших порядочных женщин: они боятся быть изнасилованными! Не может быть порядочным общество, в котором царит культ денег, идеология стяжательства, наживы, продажности... Часть общества вообще погрязла в бесстыдстве и распущенности. Как говорил И. Златоуст: «Страшен не грех, но бесстыдство после греха». Веселые, погрязшие в пороке, самцы и под стать им лживые, эгоистичные, кокетливые самки-стервы. Словом, как докладывали Егору Прокудину (В. Шукшину), нашему любимому герою, в фильме «Калина красная»: «Народ для разврата собрался!»

Бесстыдство для них – это их имидж – и показатель успешности, престижа, богатства, раскрепощенности, незакомплексованности, открытости и т. п.

Люди, бросаясь в сомнительные удовольствия, лишают себя счастья, о котором каждому мечтается в душе, но которое без нравственности, без чистоты отношений невозможно, и, получая свой суррогат вместо счастья, обижаются на судьбу, которая лишь дает им то, к чему они стремятся.

Не надо себя обманывать: уважение приобретается уважением, доверие-доверием, верность-верностью, а любовь-любовью. С черного хода к счастью не пройти...

Еще Р. Тагор писал: «Счастье достается только сдержанному. Хочешь, чтобы твои желания сбылись, научись сдерживать их», а Ж. Сименон о браке говорил следующее: «Люди женятся по многим причинам, как правило ничтожным... Супружество путают с интрижкой или страстью. Нет, стать супругом надо удостоиться».

С ними согласны и современные психологи, которые утверждают, что «эмоциональные союзы, которые основаны на духовной, нравственной близости, – самые долговечные, а те, что основаны только на сексе, наоборот».

А нашим порядочным женщинам следует помнить, что именно порядочных любят, а других только имеют, уважают их, с другими- обходятся; мечтают о них, а других в душе презирают... Словом, как женщины себя ведут, так и обращаются с ними! И именно им-порядочным женщинам-сейчас тяжелее всего... но вы «будьте горды!» – как говорил К. Берне. Во все времена порядочные женщины оставались порядочными, а бессовестные-бессовестными!

Женщина делает своего мужчину... У каждого народа есть много поговорок и пословиц на счет того, что счастье или несчастье мужчины определяется его женщиной. Как мне поведала моя бабушка, за несколько месяцев до своей кончины, оказывается, ей дед говорил обо мне так: «Он будет большим человеком, если ему попадется хорошая жена!»⁵ Словом, удачный или неудачный брак определяет судьбу мужчины.

Не могу не привести слова Л. Путиной, которые говорят сами за себя о том, какой человек сопровождает по жизни В.В.Путина: «Как говорил один мой хороший знакомый, жизнь, преподнося нам различные „сюрпризы“, заставляет нас отвечать на один и тот же вопрос: что это – испытание или искушение? И, только оставаясь самим собою в любой ситуации, человек может выдержать испытание и не поддаться искушению. Для меня это очень важно...» («КП» от 27 декабря 2001г.)

И пусть она, как и прежде, далека от тебя, и пусть по-прежнему говорят, что так не бывает...

...А ты вспомни, как когда-то вы вместе делали уроки: ты, решив, что сделаешь их потом, у себя дома, смотрел на нее. (Ты уже был влюблен в нее, но не признавался себе в этом, зато вся последующая твоя жизнь только и состояла из признаний себе в любви к ней) Она же, смутившись, спрашивала: «Ну, Саша, опять ты начал рисовать?!»

Ты же рисовал только для того, чтобы удобно было смотреть на нее: ведь маленький поролоновый конек, стоящий на книжной полке позади нее и чуть выше ее головы, позволял смотреть, не показывая виду, что ты смотришь на нее.

И ты смотрел на нее так, словно тебе надо было запомнить ее на всю жизнь... будто бы ты знал заранее, что судьба надолго разлучит тебя с ней, и что это не будет зависеть от тебя...

Ты вспомни об этом, и все в жизни станет светлее... И к тебе придет осознание того, что Бог выправил твой путь, и что ты со смирением ждешь встречи с ней...

Какое счастье, что жизнь мне подарила встречу с моей курносой с веснушками на лице девчонкой, в улыбке которой было полным-полно солнечного света!

В общем, Люда, несмотря ни на что, я обращаюсь к тебе через столько лет... Люда, нас еще рано называть стариками, но в нашем возрасте не принято говорить вслух о любви, зато мы уже все понимаем без объяснений...

Люда, я хочу, чтобы наконец мы были вместе, как люди созданные друг для друга.

Твой Саша.

P.S. Вчера, перед сном, я попросил Аллаха, чтобы я во сне увидел Люду. (Когда мы спим, наша душа вылетает из нашего тела и может побывать где угодно, что и видим мы в снах, а перед просыпанием она возвращается в наше тело, если это угодно Аллаху, а если нет, то люди умирают во время сна) И я увидел ее. Увидел ее сзади. Она была в зеленом халате.

⁵ Это, конечно же, распространенное утверждение в народе, спорное по своей сути и унижающее мужчин в браке даже больше, чем женщин, или даже сам брак, если ничего нельзя поделать с этим. «...Никто никого не должен и не обязан любить, но все должны любить демократию и соблюдать строго ее принципы и законы. Даже такой великий дар, как любовь, если она не придерживается строго принципов демократии, быстро превращается в односторонний акт насилия. Азиатские женщины прекрасно знают об этом, как те народы, которые избрали сильных президентов и дали им слишком много полномочий и почестей, надеясь на их честность и благородство». <https://www.proza.ru/2019/09/22/1445>

Волосы светло-коричневые, мягкие, на верху головы распушенные; но они не длинные, опускаясь, лежат на плечах. Она сидела перед постелью больного. Он, как обычно поступают больные, ворчал:

– Сало не поджарено как следует!

Люда оправдывалась, что оно поджарено.

Мне кажется, что Люда сейчас не замужем, и что она иногда думает обо мне, как и я о ней, иначе бы не снилась мне вместе со своей сестрой Женей. Даже, если она замужем, то я не вижу ее радостной в браке; радостная она только тогда, когда во сне обращается ко мне...

Р.\$. Уже прошло полтора года, как я написал этот рассказ. Копии рассказа я отослал по обычной почте в несколько газет, в том числе в одну московскую. Видимо, он был опубликован на сайте этой газеты, так как мои сны говорили о публикации, и о том, что Люда прочитала его. Затем она выясняла отношения с кем-то и уже ехала ко мне, но ее вызвали каким-то срочным извещением обратно, и она была вынуждена возвратиться домой. Потом я видел ее в черном платке, т.е. в трауре. И в последнем сне она уже была без черного платка и говорила мне: «Такой – ты у меня единственный!» Теперь вот, когда моя старшая дочь Канышай одолжила на год свой ноутбук, даст Бог, наконец, я помещу этот рассказ, в полном объеме, в свой или какой-либо литературный сайт.

Как я был мелким коммерсантом

Репортаж Жака Рюеффа и Андре Пьетра через месяц — другой после введения реформ Эрхарда:

«С совершенной неожиданностью исчез черный рынок. Витрины были завалены товарами, дымились фабричные трубы и улицы были заполнены грузовиками. Вместо мертвой тишины развалин повсюду раздавался шум стройки. Уже размер восстановления вызывал удивление, но еще большее удивление вызывала его неожиданность. Это восстановление началось во всех отраслях хозяйственной жизни точно в день валютной реформы. Только очевидцы могут рассказать о том мгновенном действии, которое оказала валютная реформа на заполнение складов и богатство витрин. Со дня на день стали наполняться товарами магазины и возобновлять работу заводы. Еще накануне немцы бегали бесцельно по городу, чтобы разыскать дополнительно какие-нибудь жалкие продукты питания. А на следующий день мысли уже концентрировались лишь на том, чтобы заняться производством этих продуктов питания. Накануне на лицах немцев была написана безнадежность, на следующий день целая армия с надеждой смотрела в будущее».

Из книги «Хозяйство без чудес», вышеуказанных авторов.

Пройдет и это время... Время всеобщей купли-продажи, т.е. коммерции или, выражаясь по-советски, спекуляции. И тогда я быть может с улыбкой вспомню о том, как я был мелким коммерсантом...

Но прежде я должен отметить (как отмечали до меня и будут отмечать после меня), что на плохое и на хорошее нас почти всегда толкают женщины. Так вот, моя жена (я подозреваю, что она в этом не исключение) все ныла и ныла, что я, как другие, не делаю деньги, сижу на голой зарплате, которой ни на что не хватает. Это, надо сказать, мне порядком надоело, но сдался я не сразу. Вообще, я не из тех, кто быстро сдается женщинам.

Наверное, это от моего не слишком большого, но достаточного опыта обращения с ними, который я начал обретать еще с трехлетнего возраста. Тогда мы с родителями жили во Фрунзе (ныне-Бишкек) на проспекте Мира в двухэтажном кирпичном доме. У меня нет никакого сомнения в том, что я уже тогда был вполне самостоятельным. И вот, когда однажды в ясный зимний день я самостоятельно прохаживался (несомненно, с определенной целью: вообще, я никогда ничего не делал бесцельно) перед домом, меня окликнули с балкона второго этажа две сестры – Надя и Света, примерно 13—14 лет. Звали они меня Сашей. (Видимо, им было так удобнее, а я и тогда, как и сейчас, не кичился, как некоторые, относящиеся к разным национальностям, своим национальным происхождением.) В руках они держали по длинному ломтику хлеба со слоем смородинового варенья. Конечно, мое появление, как появление всякого галантного кавалера, не могло не отразиться на поведении дам: их планы сразу изменились. Первой обратилась Надя:

– Саша, ты меня любишь?

– Да, – ответил я, потому что сразу сообразил к чему идет дело (да и признаться, и тогда, как мне помнится, я ничего не имел против любви).

Раздался взрыв веселого хохота и через минуту-другую ее ломтик хлеба со смородиновым вареньем оказался в моих руках. Правда, мне пришлось на мгновение закрыть глаза, чтобы меня спокойно, без смущения, поцеловали (несмотря на юный возраст, я был щепетил к проявлениям женских чувств).

Кушал я не спеша, смаковал: варенье приятно таяло во рту, ягодки смородины, мягко вдавливались в хлеб... (Вообще, тогда, в советское время, основная масса населения питались неплохо).

Света терпеливо ждала. Потом очередной повтор того же вопроса (о, женская наивность!), очередной мой положительный ответ, очередной взрыв хохота, о поцелуе я уж не говорю – и я, смакующий уже второй ломтик хлеба со смородиновым вареньем.

Конечно, человек с таким опытом не так-то легко сдается женщинам, но и если сдается, то сдается, не теряя своего достоинства. Словом, я стал присматриваться, как люди делают деньги, читать популярную литературу, в которой давались рецепты на сей счет.

Ехать куда-то мне не хотелось: я с детства не любил поездки. И сейчас куда-то поехать, сорваться с привычного места – для меня поначалу целая проблема, даже настроение перед отъездом портится, но потом все образуется и я прихожу в свое обычное состояние. Помню, как по этой причине, в детстве меня иногда оставляли сторожить дом (в то время мы жили в Кара-Су), когда семья на день —два уезжала отдыхать в Арсланбоб.

Впрочем, у родителей был небольшой выбор: старшего оставлять нельзя- беспокойный слишком- натворит что-нибудь, младший —мал еще, а вот средний как раз- и сам согласен, и спокоен. И я мужественно оставался дома.

Правда, перед тем как лечь, со столовым ножом в руке я обходил все комнаты, осматривал все углы, заглядывал под кровати и, ложась спать, клал его под подушку.

Таким образом, оставалась на мою долю мелкая купля—продажа, когда есть товар и посредничество в реализации какого-либо товара. Но какая коммерция без связей? По этой причине я стал захаживать в комок к Ганыжан-ака, которого знал по совхозу, где я работал до перестроечных времен. Надо сказать, что в лице Ганыжан-ака я нашел для себя неплохого учителя по части коммерции, но главное – у меня была точка, где я мог реализовать свой товар.

Товар не заставил себя долго ждать. Выяснилось, что у жены есть новая костюм-юбка «Монтана», которую ей подарила сестра, и которая была ей великовата. Она пролежала у Ганыжан-ака больше месяца по цене 1220 руб. (хотя по договоренности цена продажи не должна была превышать 1000 руб.), пока я не сторговался на 800 руб. с расчетом, что он весной продаст ее подороже.

Вот тут я сделаю первое отступление. Не нужно быть семи пядей во лбу или принимать участие в семинаре по рыночной экономике в Москве, где известный японский бизнесмен утверждал, что не цена товаров, а скорость оборота – главный фактор для получения максимальной прибыли, чтобы разобраться в наших партнерских отношениях с Ганыжан-ака. На своем примере я убедился, что он не заботится о своих клиентах, которые приносили ему свой товар для реализации, так как превышение на 200 рублей и даже больше цены реализации приводило к тому, что товар залеживался. В свою очередь я понял, что, имея комок или арендуя его, можно было «крутиться» только на посреднических услугах, привлекая быстрой реализацией все больше и больше клиентов, благо сейчас каждый третий куда-то едет и что-то привозит.

И второй товар, как ни странно, тоже находился у меня дома. А продал я коготь беркута. Вот тогда я понял, что почти все может быть предметом торговли. Дело было так: через Ганыжан-ака я искал покупателя на живого беркута, который имелся у одного из родственников жены. И вот однажды объявился покупатель, но ему нужен был не сам беркут, а только коготь беркута. Дело в том, что коготь беркута используется для некоторых целей. Например, кладется к изголовью ребенка, чтобы он хорошо спал. Также утверждают, что, если носить коготь под одеждой, он придает человеку силу и храбрость. И еще рассказывают, что его используют в деликатных случаях, когда хотят проверить верность жены. Мне кажется, что коготь нужен был покупателю именно для этого последнего случая. Впрочем, это его дело... Ганыжан—ака, обращаясь к нам обоим, сказал, что он человек нейтральный между нами, а товар очень нетипичный, и что поэтому цену он поставит сам, произвольно. Он назвал цифру- 3 тысячи рублей. Покупатель спустил на 500 рублей, и на этой цифре мы остановились, но и эта цифра, я думаю, была завышенной для старого когтя. На следующий день я с когтем, который жене

дала моя теща при рождении нашей дочери, и который теперь бесполезно лежал в шкафу, сидел в комке у Ганыжан-ака. Покупатель – молодой человек спортивного вида, почти непрерывно пританцовывающий, имитируя перед друзьями движения из каратэ, еще более возбудился при виде когтя, как увидевший нечто так необходимое ему. Он забрал его из рук Ганыжан-ака и обещался приехать через полчаса, мол, покажет его: годится или нет. Больше часа его не было. Приехал он без когтя и какой-то весь подавленный, выложил 2500 рублей. Я не стал спускать цену, а он устыдился еще раз спускать ее, так как уже спускал, но на его лице была досада по этому поводу. Когда он вышел, я отдал 100 рублей Ганыжан-ака за посредничество (на эту сумму в то время можно было четыре раза хорошо покушать в обычном кафе). Хотел дать больше, но он не согласился. Уходя с базара, я отдал 15 руб. кайырчыларга (Божьи люди, попрошайки- кырг). Вот так произошла моя вторая маленькая коммерческая сделка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.